

Фридрих Энгельс и наша литература

Г. ТАТУЛОВ

Путевые зарисовки Энгельса (из Парижа в Берн)

Чему учит нас Энгельс? Я не хотел бы отвечать на этот вопрос...

Байрона и еще более высокая оценка поэзии Шелли, которого Энгельс...

Чрезвычайно существенно для нас особое внимание Маркса и Энгельса к Георгу Веерту...

Оценки и характеристики Маркса и Энгельса — программа нашего литературного образования...

Хотелось бы особо подчеркнуть первоочередность новых переводов и нового издания Шелли...

Маркс, по словам своей дочери Элеоноры, говорил о Шелли, что «он был революционер с головы до пят»...

Энгельс и Маркс о величайшей чуждость относились к каждой строфе стихотворения, к каждой главе романа и повести...

мог перевести их стихами в силу личного недостатка. Но «реальное» родно наш поэт...

Что касается Веерта, Энгельс мотивировал точно свою оценку Веерта, как «первого и наиболее значительного поэта немецкого пролетариата»...

В энгельсовском анализе немецкой литературы обращает на себя внимание мысль о значении общественной среды...

Энгельс дает совет всем поэтам, у которых есть какой-нибудь талант, переселиться в привлекательные страны.

В «Немецкой диалогике» еще раз «Анти-Дюринге» Маркс и Энгельс...

В чем основное условие широты художественного кружева, умения захватить читателя персонифицированным изображением идеала?

То, что было лишь предвидением, конечно, научно обоснованным, стало в наш век действительностью. Ленин и Сталин...

И в то же время по-новому подтвердилась мысль Энгельса об ужасности свободного творчества. Теперь, как в 40-х годах...

Последовательная партийность, наличие научного марксистско-ленинского мировоззрения, вот что, следовательно, обеспечивает большую революционно художественное произведение...

В нашей литературе, такой богатой и вдохновляющей при всей ее молодости, одной из «студентских» является недостаточное раскрытие связей между нашей социалистической средой и новой идеологией...

Энгельс и Маркс о величайшей чуждость относились к каждой строфе стихотворения, к каждой главе романа и повести...

Энгельс и Маркс о величайшей чуждость относились к каждой строфе стихотворения, к каждой главе романа и повести...

Энгельс и Маркс о величайшей чуждость относились к каждой строфе стихотворения, к каждой главе романа и повести...

Энгельс и Маркс о величайшей чуждость относились к каждой строфе стихотворения, к каждой главе романа и повести...

мог перевести их стихами в силу личного недостатка. Но «реальное» родно наш поэт...

Что касается Веерта, Энгельс мотивировал точно свою оценку Веерта, как «первого и наиболее значительного поэта немецкого пролетариата»...

В энгельсовском анализе немецкой литературы обращает на себя внимание мысль о значении общественной среды...

Энгельс дает совет всем поэтам, у которых есть какой-нибудь талант, переселиться в привлекательные страны.

В «Немецкой диалогике» еще раз «Анти-Дюринге» Маркс и Энгельс...

В чем основное условие широты художественного кружева, умения захватить читателя персонифицированным изображением идеала?

То, что было лишь предвидением, конечно, научно обоснованным, стало в наш век действительностью. Ленин и Сталин...

И в то же время по-новому подтвердилась мысль Энгельса об ужасности свободного творчества. Теперь, как в 40-х годах...

Последовательная партийность, наличие научного марксистско-ленинского мировоззрения, вот что, следовательно, обеспечивает большую революционно художественное произведение...

В нашей литературе, такой богатой и вдохновляющей при всей ее молодости, одной из «студентских» является недостаточное раскрытие связей между нашей социалистической средой и новой идеологией...

Энгельс и Маркс о величайшей чуждость относились к каждой строфе стихотворения, к каждой главе романа и повести...

Энгельс и Маркс о величайшей чуждость относились к каждой строфе стихотворения, к каждой главе романа и повести...

Энгельс и Маркс о величайшей чуждость относились к каждой строфе стихотворения, к каждой главе романа и повести...

Энгельс и Маркс о величайшей чуждость относились к каждой строфе стихотворения, к каждой главе романа и повести...

мог перевести их стихами в силу личного недостатка. Но «реальное» родно наш поэт...

Что касается Веерта, Энгельс мотивировал точно свою оценку Веерта, как «первого и наиболее значительного поэта немецкого пролетариата»...

В энгельсовском анализе немецкой литературы обращает на себя внимание мысль о значении общественной среды...

Энгельс дает совет всем поэтам, у которых есть какой-нибудь талант, переселиться в привлекательные страны.

В «Немецкой диалогике» еще раз «Анти-Дюринге» Маркс и Энгельс...

В чем основное условие широты художественного кружева, умения захватить читателя персонифицированным изображением идеала?

То, что было лишь предвидением, конечно, научно обоснованным, стало в наш век действительностью. Ленин и Сталин...

И в то же время по-новому подтвердилась мысль Энгельса об ужасности свободного творчества. Теперь, как в 40-х годах...

Последовательная партийность, наличие научного марксистско-ленинского мировоззрения, вот что, следовательно, обеспечивает большую революционно художественное произведение...

В нашей литературе, такой богатой и вдохновляющей при всей ее молодости, одной из «студентских» является недостаточное раскрытие связей между нашей социалистической средой и новой идеологией...

Энгельс и Маркс о величайшей чуждость относились к каждой строфе стихотворения, к каждой главе романа и повести...

Энгельс и Маркс о величайшей чуждость относились к каждой строфе стихотворения, к каждой главе романа и повести...

Энгельс и Маркс о величайшей чуждость относились к каждой строфе стихотворения, к каждой главе романа и повести...

Энгельс и Маркс о величайшей чуждость относились к каждой строфе стихотворения, к каждой главе романа и повести...

„НАША МОЛОДОСТЬ“

«Наша молодость» — так решили мы назвать эту книгу... Потому, что эта книга — о нашей яркой, замечательной молодости, о молодости нашей любимой родины.

Название книги оправдано. Нет в ней имен маститых писателей, нет и очерков, сделанных людьми, убежденными сединами и опытом. Едва ли самый старший из авторов дошел до того возраста, когда кончается юность и начинается зрелость.

Очерки молодых колхозных бригадиров рассказывают о том, как происходило соревнование «160 молодых бригадиров» в Азово-Черноморском крае. Каждый в отдельности рассказывает о своем опыте, о своей работе, о трудностях, орывах и победах.

Перед читателем встает картина мощного социалистического освоения запущенной, истощенной кулаками-вредителями земли. Землю надо было брать за живую, в колхозной зажиточной жизни, и это сделали миллионы людей под руководством партии Ленина-Сталина.

«Земля живет» — так называется один из разделов книги, и здесь показана, как колхозники вернули ей жизнь. С этой точки зрения чрезвычайно интересен очерк Михаила Брусова. Очерк этот выделяется из многих других своей яркостью.

Несомненным образом идейной и художественной характеристикой для наших художников слова остается портрет Ленина, гениально нарисованный Т. Сталиным в речи на вечеру Кургановских курсантов 25 января 1934 г.

Участь сталинской законности речи, меткости определения, глубины мысли, простоте языка, наши писатели достигнут того высокого уровня искусства, где «каждое слово, вместе с тем и вполне определенная личность» — «это», как сказал старик Гегель (Энгельс).

Весь труд сказать, даже многие высококвалифицированные писатели не умеют еще изображать характеров, типичных для наших героев труда, обороны, учебы и науки, так, как А. М. Горький изображал характер Клим Самгина, Боро Бульчешкина.

Наша конкретная жизнь в стране социализма, многообразие условий творчества у нас, конечно ставят уму новых проблем, выдвигают множество новых углов зрения. О каждом из них мы не сумеем, может быть, раскрыть соответствующего высказывания Энгельса или Маркса, но верно одно: чем более полно, всесторонне, настойчиво и с любовью пробаем мы себя в сокровищнице мысли великого автора «Анти-Дюринга», сподвижника Маркса, учителя наших учителей Ленина и Сталина, тем быстрее и современнее обеспечиваем мы истоки великого умения прекрасных, мудрых, заветных и волнующих наших современников и волнующих наших современников.

Наша конкретная жизнь в стране социализма, многообразие условий творчества у нас, конечно ставят уму новых проблем, выдвигают множество новых углов зрения. О каждом из них мы не сумеем, может быть, раскрыть соответствующего высказывания Энгельса или Маркса, но верно одно: чем более полно, всесторонне, настойчиво и с любовью пробаем мы себя в сокровищнице мысли великого автора «Анти-Дюринга», сподвижника Маркса, учителя наших учителей Ленина и Сталина, тем быстрее и современнее обеспечиваем мы истоки великого умения прекрасных, мудрых, заветных и волнующих наших современников и волнующих наших современников.

Наша конкретная жизнь в стране социализма, многообразие условий творчества у нас, конечно ставят уму новых проблем, выдвигают множество новых углов зрения. О каждом из них мы не сумеем, может быть, раскрыть соответствующего высказывания Энгельса или Маркса, но верно одно: чем более полно, всесторонне, настойчиво и с любовью пробаем мы себя в сокровищнице мысли великого автора «Анти-Дюринга», сподвижника Маркса, учителя наших учителей Ленина и Сталина, тем быстрее и современнее обеспечиваем мы истоки великого умения прекрасных, мудрых, заветных и волнующих наших современников и волнующих наших современников.

Наша конкретная жизнь в стране социализма, многообразие условий творчества у нас, конечно ставят уму новых проблем, выдвигают множество новых углов зрения. О каждом из них мы не сумеем, может быть, раскрыть соответствующего высказывания Энгельса или Маркса, но верно одно: чем более полно, всесторонне, настойчиво и с любовью пробаем мы себя в сокровищнице мысли великого автора «Анти-Дюринга», сподвижника Маркса, учителя наших учителей Ленина и Сталина, тем быстрее и современнее обеспечиваем мы истоки великого умения прекрасных, мудрых, заветных и волнующих наших современников и волнующих наших современников.

Наша конкретная жизнь в стране социализма, многообразие условий творчества у нас, конечно ставят уму новых проблем, выдвигают множество новых углов зрения. О каждом из них мы не сумеем, может быть, раскрыть соответствующего высказывания Энгельса или Маркса, но верно одно: чем более полно, всесторонне, настойчиво и с любовью пробаем мы себя в сокровищнице мысли великого автора «Анти-Дюринга», сподвижника Маркса, учителя наших учителей Ленина и Сталина, тем быстрее и современнее обеспечиваем мы истоки великого умения прекрасных, мудрых, заветных и волнующих наших современников и волнующих наших современников.

жизнь его и его детей зависела от этого клочка земли. И он — не по своей воле — мстил земле, которая его не кормила, мстил, варварски истощая ее. Впрочем, это было взаимное истощение. И именно это — хотели тогда люди не хотели — изображали великие буржуазные реалисты, когда они писали о земле.

Разумеется, не приходится сопоставлять очерки азово-черноморских бригадиров-комсомольцев с прозаическими великих мастеров-классиков. Но даже такие безыскусственные рассказы о волнующей силой раскрывают перед читателем новые, новые отношения людей к земле и друг к другу, сложившиеся в советской стране. И в этом большое достоинство сборника «Наша молодость».

Юноши, девушки — молодые строители новой деревни — прохладят перед читателем не как абстрактная схема «нового человека» (как это бывает нередко в произведениях нашего писательского молодка), они прохладят как воплощение всей творческой многогранности и сложности нашей действительности. Они сами рассказывают о себе, рассказывают просто, и черты нового человека проявляются в них органически, без всякой нарочитости.

Рассказывает о себе Кузьма Еремешко — организатор соревнования «160», упорный и страстный человек, еще не потерявший почти мальчишеского задора. Очень живо передает он год своей жизни, год, наиболее значительный для него. «Так прожил я 1934 год, так началось соревнование молодых бригадиров». Но если Еремешко главным образом связывает этот год с соревнованием, то это отнюдь не значит, что у него за этот год не было «личных» событий. У него, например, родился сын. Рождение сына и соревнование бригадиров для него одинаково волнующие важные — и другое для него одновременно — и личное и общественное.

Чрезвычайный интерес представляет очерк Ирины Никольской «Счастье». Жизнь ее типична для очень многих молодых колхозниц. До семнадцати лет она — дочь бедняка — «малыш по хозяйству», потом вступила в колхоз, и тут, по существу, началась для нее «настоящая жизнь». Ее развитие от малоразвитой девочки до активной комсомолки-бригадирки — это путь многих и многих молодых колхозниц. Ирина Никольская недаром назвала свой очерк «Счастье». Она полностью показала счастье в том же знаменательном году 1934 года. Она побывала в Москве, и пребывая, ее представляется ей как сплошное счастье. Она видела великого и такого простого и близкого Сталина. Она разговаривала с Молотовым и Калининским, с Горьким. Словом, она счастлива. Она счастлива счастьем всей страны и своей молодостью, здоровьем, любовью.

Мы остановились только на этих очерках не потому, что другие представляют меньший интерес. Каждый из помещенных в сборнике очерков интересен по-своему, каждый из молодых мастеров земли вложил в свои слова бодрость и веру в счастливую колхозную жизнь.

«Наша молодость» — сборник, который с большим интересом прочтется не только в крае, где он создан. Литературно тщательно сделанная, опрятно изданная, она безусловно будет иметь успех среди молодых читателей, потому что это «книга о радостном труде, о веселом бодром отдыхе, об интересной учебе, о быстром росте, обо всем, чем пользуется трудящийся молодой человек в свободной стране — Советском союзе».

«Наша молодость». Рассказы молодых бригадиров о том, как они работали, учатся, живут. Азово-Черноморское краевое книгоиздательство, Ростов-на-Дону, 1935 г. Редакция: К. Е. Ефремович, Гр. Динцов, С. Липини. Книгу составили: С. Липини, В. Старичин.

«Наша молодость». Рассказы молодых бригадиров о том, как они работали, учатся, живут. Азово-Черноморское краевое книгоиздательство, Ростов-на-Дону, 1935 г. Редакция: К. Е. Ефремович, Гр. Динцов, С. Липини. Книгу составили: С. Липини, В. Старичин.

«Наша молодость». Рассказы молодых бригадиров о том, как они работали, учатся, живут. Азово-Черноморское краевое книгоиздательство, Ростов-на-Дону, 1935 г. Редакция: К. Е. Ефремович, Гр. Динцов, С. Липини. Книгу составили: С. Липини, В. Старичин.

«Наша молодость». Рассказы молодых бригадиров о том, как они работали, учатся, живут. Азово-Черноморское краевое книгоиздательство, Ростов-на-Дону, 1935 г. Редакция: К. Е. Ефремович, Гр. Динцов, С. Липини. Книгу составили: С. Липини, В. Старичин.

«Наша молодость». Рассказы молодых бригадиров о том, как они работали, учатся, живут. Азово-Черноморское краевое книгоиздательство, Ростов-на-Дону, 1935 г. Редакция: К. Е. Ефремович, Гр. Динцов, С. Липини. Книгу составили: С. Липини, В. Старичин.

«Наша молодость». Рассказы молодых бригадиров о том, как они работали, учатся, живут. Азово-Черноморское краевое книгоиздательство, Ростов-на-Дону, 1935 г. Редакция: К. Е. Ефремович, Гр. Динцов, С. Липини. Книгу составили: С. Липини, В. Старичин.

Новые издания старых поэтов

Д. Мирский

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ

Дело критического освоения культурного наследия развернулось у нас самым широким образом. Ведущая роль советской науки на Юбилей Филардуса, многочисленные постановки Шекспира, широко издаваемые и осуществляемые издания классиков философии Сократа и классиков филозофико-математических наук Техничко-теоретических издательств — все это разные проявления одной и той же большой работы, конкретно осуществляющей завет Ленина об овладении пролетариатом всем, что человечество создало ценного. Для нас небольшая часть этой огромной работы — широко развернувшаяся за последние три года работа по переводу — в новых научных изданиях — русских поэтов XVIII и XIX вв. Можно сказать, что уже сейчас в этой области сделано неизмеримо больше, чем за все предшествующие двадцатилетия, когда русская буржуазная литература так громко декларировала свою любовь к прошлому русской поэзии и так мало сделала для его изучения.

В настоящее время постоянно переводятся три главных русских поэта — Пушкин, Лермонтов, Некрасов. Тиражи этих изданий массовые, но в спрос на них огромный. В книжных магазинах они появились только недавно. До последнего времени, несмотря на многотысячные тиражи, социализаторские классики были по

существу «библиографической редкостью».

Кроме трех главных поэтов Госиздат издавал еще Крылова и Кольцова. Все же остальные русские поэты находились вне его ведения, а новые издания их произведений делаются «Библиотечкой поэта» Ленинградского издательства писателей (ныне Ленинградское отделение издательства «Советский писатель») и издательством «Академия». Последнее также издавал Пушкина, Лермонтова и Некрасова, но в настоящей статье я буду говорить только о новых изданиях поэтов, которых, весьма условно и расширительно, можно назвать «второстепенными», хотя они включают таких гигантов, как Державин и Тютчев.

Из этих «второстепенных» с начала 1933 г. вышли новыми изданиями: в «Библиотечке поэта» — Треднаковский, Ломоносов, Сумароков, Державин, Давыдов, Дельвиг и Рылев; в «Поэты Искры» — «Поэты-радищевцы» и «Поэты Искры». В ближайшем времени должны выйти еще Крылов, Востоков, Полонский и ранняя прозаическая поэзия. В издательстве «Академия» вышли: Ватюшков, Вяземский, Рылев, Языков, Беневитинов, Оловский, Полежаев, Тютчев (два тома), Михайлов и Курочкин. Обращает внимание на почти одновременный выход в обоих издательствах Рылева — факт, свидетельствующий об отсутствии контакта между двумя работавшими в той же области издательствами. Еще более недопустимо по своей неадекватности одновременное появление двух полных собраний

стихотворений Пнина — в составе книги «Поэты-радищевцы» и в третьем выпуске издававшейся быв. Издательством политкорректной серии «Классики революционной мысли» (Пнин Пнин, «Сочинения»). В последнем случае нельзя даже говорить о неуважении, поскольку в обоих изданиях редактор — одно и то же лицо — В. Орлов. В будущем такая «совпадения» вероятно уже не будет. Издательство «Политкорректная» уже ликвидировано, а «Академия» сняла с своего плана ряд поэтов, входящих в ближайший план «Библиотечки поэта» и в настоящее время готовит, помимо Пушкина, Лермонтова и Некрасова, еще только двух поэтов — Огарева (давню пору) и Кольцова. Таким образом серия «Академия» можно считать более или менее законченной, в вся работа переиздания «второстепенных» поэтов отныне сосредоточивается в «Библиотечке поэта» Ленинградского отделения издательства «Советский писатель».

«Библиотечка поэта» возникла, как известно, по инициативе А. М. Горького. В своей статье «Первоначальная инициатива» в «Правде», и затем с небольшими изменениями воспроизведенная в первом выпуске «Библиотечки», посвященном Державину, Горький ставил вопрос о «Библиотечке поэта» со своей целью помочь ответить на основные вопросы о самом характере поэзии буржуазной эпохи. Почему например «с начала XIX в. выдвинула из своей среды так много поэтов пессимистов?» Вопросы, поставленные Горьким, касались не одной русской, а всей европейской поэзии, и «Библиотечка» должна была

«Библиотечка поэта» возникла, как известно, по инициативе А. М. Горького. В своей статье «Первоначальная инициатива» в «Правде», и затем с небольшими изменениями воспроизведенная в первом выпуске «Библиотечки», посвященном Державину, Горький ставил вопрос о «Библиотечке поэта» со своей целью помочь ответить на основные вопросы о самом характере поэзии буржуазной эпохи. Почему например «с начала XIX в. выдвинула из своей среды так много поэтов пессимистов?» Вопросы, поставленные Горьким, касались не одной русской, а всей европейской поэзии, и «Библиотечка» должна была

начать с серии русских поэтов по чисто практическим соображениям.

Существенной задачей «Библиотечки», по мысли Горького, было помочь молодому поэту «хорошо знать историю русской поэзии и знать, какими приемами техники слова пользовались поэты прошлого времени, как развивался, обогащался язык русской поэзии, как разнообразились формы стиха», объяснить причины такого явления, как «формальное возрождение стиха в самом конце XIX в. и в начале XX», и в то же время «решать разрозненные поэзии с действительностью», в эпоху первой русской революции. «Библиотечка поэта» ставит целью своей познакомить молодежь с историей русской поэзии и дать начинающим поэтам материал для технической учебы. — так резюмировал Горький задачу «Библиотечки».

Нало можно сказать, что с задачей, как она была поставлена Горьким, редакция «Библиотечки» не справилась. Почти каждый из выпусков «Библиотечки», выходящий сам по себе, представляет значительную ценность. Но библиотечка как целое не получила. Отсутствие плановости сказало с самого начала. Первоначально предполагалось давать выпуски в хронологической последовательности. Попытка держаться этого измерения была сделана: из десяти вышедших выпусков, шесть относятся к XVIII и самому началу XIX вв. Но в числе самых первых выпусков был и такой поэзия, как «Поэты Искры». Редакция уступила шапку, отказавшись от плановой «библиотечки» литературоведов и подменив их индивидуальным рабочему «ритму».

Но эта хронологическая неадекватность еще полнее. Гораздо хуже то, что выпуски с самого начала были разнотипны, и что эта разнотипность коренится в совершенно случайных причинах. Десять вышедших выпусков определенно складываются на два типа. Треднаковский, Ломоносов, Сумароков, Державин и «Поэты Искры» основаны на принципе довольно строгого выбора; «Поэты-радищевцы» — Давы-

дов, Дельвиг и Рылев — на принципе полноты. К этому второму типу относятся и «Ирон» — Коммуническая Поэма XVIII в., куда произведений включены по признаку не авторства, а жанра, но в которой тоже не произведено никакого отбора важного и ценного от неважного и неценного.

Никакой идеи в этом разделении не видно. Почему великий Державин дал в очень строгом отборе, а маленький Дельвиг сполна? Потому, что первый написал много, а второй мало? Почему блестящие, революционные во многом и теперь актуальные поэты «Искры», даны в не слишком широм выборе, а «поэты-радищевцы», добрая половина которых ни с какой точки зрения ни интересна, — с истеричными полнотой? Во-первых, что В. А. Десницкий или В. Орлов сумели уговорить редакцию? Что совершенно несерьезные соображения иногда имеют место, показывая, как включение в собрание стихов Давыдова совершенно ненужных стихов Зайцева, чтобы уменьшить объем сочинений неподходящего поэта-партизана? Надо признать, что сами по себе и независимо от задач «Библиотечки» выпуски, посвященные Давыдову (редакция В. Н. Орлова) и Дельвику (редакция Томашевский) очень ценны, а истеричные полное собрание стихов Рылева (редакция Ю. Т. Оксман) прямо образцово. Все же оно включает несколько листов ранних опытов, художественно ничтожных и не имеющих никакого отношения к лекционному кругу исследователей.

Нечто уже совершенно чудовищное по своей жалостливой неадекватности — «Поэты-радищевцы», вышедшая под редакцией В. Орлова и со вступительной статьей В. Десницкого. Во-первых, самые ранние произведения вызывают уже самое жалкое впечатление. В печати уже было высказано справедливое мнение, что это

заглавие может быть объяснено только рекламными соображениями. Из двенадцати четверех (!) поэтов, включенных в книгу, только трех — Пнина, Попугаева и Борна — можно без слишком большой натяжки назвать радищевцами в общепринятом, идеологическом смысле этого слова. Из них Пнин был очень умеренным просветителем, воспевавшим «дней Александровых прекрасное начало», и даже о самом левом из них, Попугаева, Десницкий, восторженно раздувая значение «радищевца», приурочил признание, что «саувазвончатый протест В. Попугаева против «невольничества» — крепостного права — очень решительный и сильный в сравнении с пророческим философ гнева и возмущения пламенем «радищевца». Нужен сильнейший микроскоп, чтобы в одном из двух из других «радищевцев» найти какие-то крупинки критического отношения к крепостной действительности. А в числе остальных двенадцати есть так отменный «радищевец», как будничная николаевский министр Вронченко! Но Вл. Орлов решил включить в книгу все стихи всех членов «Вольного общества любителей естествознания наук и художества», и в результате — книга в 885 страниц, в которой стихи Пнина, Попугаева и Борна занимают ровно 100 (сто) страниц. Из остальных поэтов, включенных в книгу, значительный материал представляет Г. Камнев — поэт, чудный фольклорный тематик, но действительно испытанный и значительное творческое влияние Радичева и представляющий интересный этап в завоевании русской поэзии ранне-буржуазным («преромантизм») стилем. Интересны историко-литературные фигуры — Радищев-сын, Беницкий и А. Имайлов, но они интересны как раз теми своими

мил произведениями, которые не включены в настоящий сборник: Радищев-сын — «русскими сказками», Беницкий — повестями, Имайлов — романом «Евгений» и баснями. Кроме того — очень немногие — интересное можно найти у Красовского (один очерк из Гени), у Волкова и у Орестополова (автора известного «Словаря древней и новой поэзии»). Все остальное — совершенно никому не нужное рядовое эпитетное стихотворство конца XVIII в.

Но и помимо этой беспринципной «академической» (в худшем буржуазно-объективистском смысле слова) пушистости сборника он обладает и другими недостатками. Статья Десницкого содержит в себе кое-какой интересный материал о недоразвитой общественности начала XIX века. Признавая, что «робкий критический подход к некоторым явлениям русской действительности», который можно найти «разумеется не у всех, а у наиболее демократических, наиболее радикальных» членов Вольного общества, Десницкий встает как стаясь непосредственно раздувать значение этих эпитетов Радищевых, представляя их чуть ли не более значительным явлением, чем декабристы. Он совершенно тупо утверждает, что их позиция в борьбе за язык между индифферентными и катрицистскими была не колебанием между двумя враждебными лагерями, а борьбой на два фронта, и что «от слабых литературных опытов» учеников Радищевых идет прямая линия к «реалистическим» повестям Пушкина, Гоголя и Достоевского», — утверждение, достояние прутковское бессмертия. Но о поэзии, их, о творческом методе их, об их действительном месте в истории русской поэзии — ни слова. Ни слова об этом пет и в судьбу академических статей и приложенных Орлова.

«Кроме Ватюшкова и Востокова в роли Семана Боброва, кроме басен Имайлова и сказок Н. Радищевых, т. е. кроме почти всего наиболее интересного».

«Наша молодость». Рассказы молодых бригадиров о том, как они работали, учатся, живут. Азово-Черноморское краевое книгоиздательство, Ростов-на-Дону, 1935 г. Редакция: К. Е. Ефремович, Гр. Динцов, С. Липини. Книгу составили: С. Липини, В. Старичин.

«Наша молодость». Рассказы молодых бригадиров о том, как они работали, учатся, живут. Азово-Черноморское краевое книгоиздательство, Ростов-на-Дону, 1935 г. Редакция: К. Е. Ефремович, Гр. Динцов, С. Липини. Книгу составили: С. Липини, В. Старичин.

«Наша молодость». Рассказы молодых бригадиров о том, как они работали, учатся, живут. Азово-Черноморское краевое книгоиздательство, Ростов-на-Дону, 1935 г. Редакция: К. Е. Ефремович, Гр. Динцов, С. Липини. Книгу составили: С. Липини, В. Старичин.

О ПОБЕДАХ И ПОРАЖЕНИЯХ ЭРЕНБУРГА

Я ДВИГА СЕКЕРСКАЯ

«Не переводя дыхания» — это безусловно продолжение нового творческого пути, обретенного Эренбургом в «Дне вторым».

Но в последнем романе Эренбурга тематически русло его оказалось более узким по сравнению с «Днем вторым», но и более глубоким.

Что же углубляет Эренбург в последнем романе?

Тему о новых чувствах нового человека.

Есть ли место горю и страданиям у лирика — творцов устремленного вперед жизни, в чем секрет их неослабевающей бодрости и оптимизма? — вот что особенно волнует Эренбурга в этом романе.

«Я хочу показать», — говорит в романе художник Кузмин, — «что горе — тоже наше, жизнь тогда становится полной, это против смерти, — понимаешь?»

Эти слова Кузмина лейтмотивом проходят по всему роману. В художественном разрешении этой мысли писателя смелость, правдивость переживания у него о рационалистичности, а не жизненным усилением идеологии. Когда Эренбург скупко, но убедительно показывает, как у комсомолок идет со смертью ее маленькая дочка, — это последняя связь с жизнью для летучих мужей (хотя и комсомольцев) Гельской, то двойная потеря Лельки — робина и мужа — воспринимается как настоящее и большое человеческое горе. И не в пример некоторым нашим писателям Эренбург не страдает ложно-оптимистическим отношением к личной жизни и не печалится, как «пустячку». Правда, Лелька не превращается у него в трагическую героиню, мы снова видим ее в конце романа радостной и счастливой, и это доходит до читателя как настоящий, неподдельный оптимизм.

Вторая полоса несчастий — в судьбе Лилии Николаевны. Лилия Николаевна дана у Эренбурга как хороший, но мало активный человеческий материал. Жизнь ее складывается с мещанами и пошляками, талант ее дремлет и не находит применения, отсюда — одиночество и опустошенность. Незадолго и грустная история жизни Лилии Николаевны тоже полна правдой. Но в условиях Лилии Николаевны обретает полноту глубокого и незабываемого ощущения смысла своего существования и ценности своего таланта. «Отсюда» на колхозной стени, переживания колхозников, игра Лилии Николаевны и ее неразрешенные принадлежат к одним из наиболее ярких и волнующих страниц романа.

Но вот третья, в общественном плане наиболее интересная и типичная линия семейных «катастроф» — в отношении Меженцева, секретаря комсомольской ячейки, и его жены, комсомолки Вари.

Варя «сгорела» от мук своею художкой происхождением, он узнает об этом со стороны. На этом фоне Эренбург строит историю разрыва между Варей и Меженцевым, их взаимных тяжелых переживаний, тоску и надежду.

Здесь Эренбургом взята острая и актуальная тема, характерная для современных условий классовой борьбы. Но по существу драматическая ситуация оказалась лишь внешним прологом — неразрешенным. Ведь Варя у Эренбурга — не маскирующийся враг, а настоящая комсомолка, дающая порывавшая с семьей. Скрытая фактически нет, и тем не менее в устах Вари, как оправдание ее молчания, Эренбург вкладывает фальшивую звучащее слово: «счастья мне захотела, поэтому не говорила». Такая художка мотивировка для всего образа Вари звучит надуманно, она не оправдана ни жизненной, ни художественной логикой.

Эренбург, как чуткий художник и верный наблюдатель, поднял большую и актуальную тему: любовь и...

близость между новыми людьми без политического доверия невозможна. Но разрешение этой темы не лишено ложного драматизма.

Острые моменты сложной и злободневной темы внешне и не оправданно слажены автором. Неоправданно — потому, что обострение классовой борьбы создает реальные драматизм человеческих отношений, реально ставит перед людьми острую дилемму: или ты идешь назад личные, семейные связи или — партия и комсомол. Вместо реальной политической дилеммы у Эренбурга получается линия ее видимость — даже временный разрыв между Варей и Меженцевым получается искусственным. В целом — конфликт не типичный и не серьезный, что ложно настраивает читателя на благодушный лад.

Но в смелом походе неподдающейся горечи об утрате близкого человека Эренбург оказался на высоте и художественно и политически.

Эренбург не оставляет своих молодых героев, когда их встречает личное горе, улаживает во весь рот во имя доказательств примата общественного над личным (мы это наблюдаем подчас у некоторых наших писателей).

А главное, Эренбург улаживает без помы и громких фраз отравляет высокую благородство, чистоту отношений между мужчиной и женщиной.

Любовь, потерявшая у нас ореол ложного величия и традиционную психологическую сложность, но приобретающая настоящую силу человечности, — вот что глубокой правдой звучит в романе Эренбурга.

Здесь люди влюбляются всерьез и сходятся случайно, но и в первом и во втором случае эти отношения выступают в их «чистой» форме, независимо от выстилки денег и частной собственности. Мы воспринимаем такое купирование человеческих отношений не как иллюзорное безделье от сложности жизни, как в буржуазной, особенно романтической литературе, а как их реальное освобождение, возможное лишь при социализме. И в этом настоящий примат общественности над личным. В этом источник оптимизма Эренбурга, когда он пишет о человеческих чувствах.

В человеческих историях, рассказанных автором, он борется за внимание к человеку, показывая возрастную роль чувств, как великой силы в переколке людей.

Так, для разрешения большой задачи — воспитания трудового энтузиазма на занятии у Глаши, Жени и др. девушек Варя неожиданно для себя находит путь. Интимно-ласковый разговор о Глаше, далекий, на первый взгляд, от работы на заводе, сделал больше, чем все нравоведения. После этого «Варя поверила в силу слов, в силу чувств, в тот отзвук, который рождает короткая скупая ласка, порой один взгляд, — это больше — выдох».

Эренбург стремится показать, что абстрактная любовь к коллективу — это не социалистическое качество, — надо уметь любить конкретно, живого человека, только тогда близким может быть и коллектив. Глаша был несposобен на это, — отсюда его внутреннее убожество и превосходство Меженцова над ним.

Эренбург бичует равнодушие к человеку, особенно убедительно — разоблачая его в образе Гельской. В этом смысле роман Эренбурга, хотя местами и романтичен, сладковат, волинен, романтичен и отзвуками старомодности. Старые напевы в новой песне слышно звучат у писателя и в теме о любви.

Эренбург суживает многогранность, человеческих чувств подкрепляя показом лишь любовных переживаний. Вера своей любовью спасает Гельскую, рассказ Меженцова о своей неудачной любви вдохновляет художника Кузмина.

А особенно само начало книги о любви и летучих дурно отдают сентиментализмом. Так сильно постоянно переплетается со слабым у Эренбурга.

„Мастер птиц“

Последняя книга Амра Саргиджана «Мастер птиц» разделена на две части: «Мастер птиц» и «Повесть о Шумани и Апоте». Большинство повелений является или переходными к «Повести о Бухари» к «Египтянину» или развивают творческую линию, наметившуюся в «Египтянине». Последнее относится прежде всего к главной повелению книги «Мастер птиц». Автор берет самые отдаленные, оторванные от центров и культуры уголки Советского союза и показывает, как там происходит общий для всей страны процесс преобразования.

Нагорный кишлак Фалькар на берегу Индуса. Советский мир отделил мало доступными горами. На другом берегу — Афганистан. В Фалькаре — древний афганский быт. Бежавший на Бухары эмигрант живописец Афендизар по главе кулаков зажал в тиски бедноту. В кишлаке назревал большие события и стоило проиницировать в него представителя внешнего мира — советскому научному работнику, достаточно было поближе познакомиться с действительностью колхозного строя и развивающейся силой, обостряется классовая борьба, создается колхоз.

В небольшой повелении вышло и ярко даны основные коллизии нашей действительности, почти графически вычерчен образ классового врага Афендизара, никогда не обнаруживающего себя надобности своих волевых кляпов. Глубоким лириком проникновенными, показывающими социальную близость людей нашего мира.

«Мастер птиц», среди других повелений книги, по праву занимает центральное место. Но наиболее характерным показателем роста Саргиджана безусловно является «Повесть о Шумани и Апоте».

В отличие от «Египтянина», и особенно «Последней Бухари», «Повесть о Шумани и Апоте» отличается большой типичностью, строгой последовательностью повествования, естественностью действия, большой компактностью и слаженностью. В ряду произведений других писателей о политике отдаленная повесть эта прошла как неопровержимый наш критиками и совершенно напрасно.

Саргиджана в повести интересуют результаты работы политотделов в ряды людей, переделывать которых политотделами призваны. Небольшой круг героев, охваченный повестью, позволяет автору сконцентрировать внимание на основных проблемах, связанных с тем, что принесло нововведение к труду, колхозной собственности, приобретенной в связи с...

В одном из своих писем из одиночного заключения к жене Фанисе Державинский писал: «Надо обладать внутренним сознанием необходимости идти на смерть ради жизни, идти в рабство ради свободы и обладать силой пережить с открытыми глазами весь ад жизни, чувствуя в своей душе запертый из жизни великий возвышенный гимн красоты, счастья и правды».

Как нельзя совершить «особое», героическое без обычного внутреннего-необходимого побуждения к этому, так нельзя во-настоящему любить без естественной потребности в этой любви.

Эренбургу недостает этой естественности в отражении чувств нашей молодежи, потому что активная сила отрицания доминирует в его творчестве. Лучшим свидетельством служит тот факт, что Воледа Сафонов и Гелька Сивяцкая — наиболее удачные полнокровные образы в двух романах Эренбурга.

„Сибирская команда“

Автор книги Гупперт совершил интересное путешествие. Взяв на плечи рюкзак, записавшиеся записными книжками, картами и т. д., он отправился по своим следам «стрельным», решающим года, чтобы собственными глазами увидеть то реальное чудеса Пятилетки социалистического строительства, которые так необыкновенно меняют весь облик страны.

«Темой» своего путешествия он избрал Сибирь. И не случайно. Ведь это слово раньше приводило в трепет, ассоциировалось со словом «агитатор», оно было мрачным выражением российской дикости, дикого произвола, темноты, заброшенности, жестоких нравов. Автору хотелось воочию посмотреть, как эта «Сибирь» каторжная превратилась в Сибирь социалистическую.

Зима. Зимний пейзаж. Гупперт умеет давать скучные, но характерные зарисовки ландшафта, переплетающиеся с ладоническими справками из прошлого и настоящего: удачно заносит он в записную книжку дождливые ветры, разговоров с полукочевниками, которые рассказывают, что было раньше и что стало сейчас. В эти моменты постоянно скрещиваются контрасты: удачно преломляются величия настоящего.

Гупперт хороший наблюдатель, он умеет подмечать и выделять характерное. Он любознателен, с острым слухом. Книга его прерит удачными набросками и портретами рабочих, строителей, начальников и мещан.

Вот Березки, фанатик планирования, бакинский студентка, Сафар... Вот германская инженер Фогель. Он поражен. «Когда это выдано было на свете, чтоб командир батальона вместе с рабочим пил чай и пел?» И он, далекий от коммунизма, поражен тем необычайным и величественным, что называется плановым хозяйством.

Пермь. Свердловск. Тюмень. Все глубже и глубже уходит заперенный снегом поезд в Сибирь. Вагоны полны людьми со всех концов Союза, главным образом строителями. Бесконечные рассказы о строительстве, о Кузбассе, Магнитогорске, о трудностях, терзаниях, достижениях, но все это ползает звучит скучно, но это это пронизано цифрами, статистическими данными, которыми много автор чрезмерно злоупотребляет, тем более, что многие уже устарели.

Сибкомбайнстрой. Прокопьевск... Последнему автор уделает особенное внимание: ведь он сам — бывший горняк и имеет представление о доктринах революционной капиталистической шахте. Удачно внедряет он в ткань своего повествования историю великого Демьянова, наблюдателя Гельской, архивные документы, высказывания Герцена и др. Он анализирует и в местные музеи. Интересны фигуры русских шахтеров в Прокопьевске.

Книга Гупперта написана живо, интересно, живо, хотя и повторяет местами длинными и повторяющимися и некоторые проводимые им статистические данные уже устарели. Ее с пользой и интересом прочитают владеющие немецким языком не только в СССР, но и за рубежом.

Итак, автор улетает особенное внимание: ведь он сам — бывший горняк и имеет представление о доктринах революционной капиталистической шахте. Удачно внедряет он в ткань своего повествования историю великого Демьянова, наблюдателя Гельской, архивные документы, высказывания Герцена и др. Он анализирует и в местные музеи. Интересны фигуры русских шахтеров в Прокопьевске.

Итак, автор улетает особенное внимание: ведь он сам — бывший горняк и имеет представление о доктринах революционной капиталистической шахте. Удачно внедряет он в ткань своего повествования историю великого Демьянова, наблюдателя Гельской, архивные документы, высказывания Герцена и др. Он анализирует и в местные музеи. Интересны фигуры русских шахтеров в Прокопьевске.

Итак, автор улетает особенное внимание: ведь он сам — бывший горняк и имеет представление о доктринах революционной капиталистической шахте. Удачно внедряет он в ткань своего повествования историю великого Демьянова, наблюдателя Гельской, архивные документы, высказывания Герцена и др. Он анализирует и в местные музеи. Интересны фигуры русских шахтеров в Прокопьевске.

Итак, автор улетает особенное внимание: ведь он сам — бывший горняк и имеет представление о доктринах революционной капиталистической шахте. Удачно внедряет он в ткань своего повествования историю великого Демьянова, наблюдателя Гельской, архивные документы, высказывания Герцена и др. Он анализирует и в местные музеи. Интересны фигуры русских шахтеров в Прокопьевске.

Итак, автор улетает особенное внимание: ведь он сам — бывший горняк и имеет представление о доктринах революционной капиталистической шахте. Удачно внедряет он в ткань своего повествования историю великого Демьянова, наблюдателя Гельской, архивные документы, высказывания Герцена и др. Он анализирует и в местные музеи. Интересны фигуры русских шахтеров в Прокопьевске.

Итак, автор улетает особенное внимание: ведь он сам — бывший горняк и имеет представление о доктринах революционной капиталистической шахте. Удачно внедряет он в ткань своего повествования историю великого Демьянова, наблюдателя Гельской, архивные документы, высказывания Герцена и др. Он анализирует и в местные музеи. Интересны фигуры русских шахтеров в Прокопьевске.

Итак, автор улетает особенное внимание: ведь он сам — бывший горняк и имеет представление о доктринах революционной капиталистической шахте. Удачно внедряет он в ткань своего повествования историю великого Демьянова, наблюдателя Гельской, архивные документы, высказывания Герцена и др. Он анализирует и в местные музеи. Интересны фигуры русских шахтеров в Прокопьевске.

Итак, автор улетает особенное внимание: ведь он сам — бывший горняк и имеет представление о доктринах революционной капиталистической шахте. Удачно внедряет он в ткань своего повествования историю великого Демьянова, наблюдателя Гельской, архивные документы, высказывания Герцена и др. Он анализирует и в местные музеи. Интересны фигуры русских шахтеров в Прокопьевске.

Итак, автор улетает особенное внимание: ведь он сам — бывший горняк и имеет представление о доктринах революционной капиталистической шахте. Удачно внедряет он в ткань своего повествования историю великого Демьянова, наблюдателя Гельской, архивные документы, высказывания Герцена и др. Он анализирует и в местные музеи. Интересны фигуры русских шахтеров в Прокопьевске.

Итак, автор улетает особенное внимание: ведь он сам — бывший горняк и имеет представление о доктринах революционной капиталистической шахте. Удачно внедряет он в ткань своего повествования историю великого Демьянова, наблюдателя Гельской, архивные документы, высказывания Герцена и др. Он анализирует и в местные музеи. Интересны фигуры русских шахтеров в Прокопьевске.

Итак, автор улетает особенное внимание: ведь он сам — бывший горняк и имеет представление о доктринах революционной капиталистической шахте. Удачно внедряет он в ткань своего повествования историю великого Демьянова, наблюдателя Гельской, архивные документы, высказывания Герцена и др. Он анализирует и в местные музеи. Интересны фигуры русских шахтеров в Прокопьевске.

Итак, автор улетает особенное внимание: ведь он сам — бывший горняк и имеет представление о доктринах революционной капиталистической шахте. Удачно внедряет он в ткань своего повествования историю великого Демьянова, наблюдателя Гельской, архивные документы, высказывания Герцена и др. Он анализирует и в местные музеи. Интересны фигуры русских шахтеров в Прокопьевске.

Итак, автор улетает особенное внимание: ведь он сам — бывший горняк и имеет представление о доктринах революционной капиталистической шахте. Удачно внедряет он в ткань своего повествования историю великого Демьянова, наблюдателя Гельской, архивные документы, высказывания Герцена и др. Он анализирует и в местные музеи. Интересны фигуры русских шахтеров в Прокопьевске.

Итак, автор улетает особенное внимание: ведь он сам — бывший горняк и имеет представление о доктринах революционной капиталистической шахте. Удачно внедряет он в ткань своего повествования историю великого Демьянова, наблюдателя Гельской, архивные документы, высказывания Герцена и др. Он анализирует и в местные музеи. Интересны фигуры русских шахтеров в Прокопьевске.

Итак, автор улетает особенное внимание: ведь он сам — бывший горняк и имеет представление о доктринах революционной капиталистической шахте. Удачно внедряет он в ткань своего повествования историю великого Демьянова, наблюдателя Гельской, архивные документы, высказывания Герцена и др. Он анализирует и в местные музеи. Интересны фигуры русских шахтеров в Прокопьевске.

Итак, автор улетает особенное внимание: ведь он сам — бывший горняк и имеет представление о доктринах революционной капиталистической шахте. Удачно внедряет он в ткань своего повествования историю великого Демьянова, наблюдателя Гельской, архивные документы, высказывания Герцена и др. Он анализирует и в местные музеи. Интересны фигуры русских шахтеров в Прокопьевске.

Итак, автор улетает особенное внимание: ведь он сам — бывший горняк и имеет представление о доктринах революционной капиталистической шахте. Удачно внедряет он в ткань своего повествования историю великого Демьянова, наблюдателя Гельской, архивные документы, высказывания Герцена и др. Он анализирует и в местные музеи. Интересны фигуры русских шахтеров в Прокопьевске.

Итак, автор улетает особенное внимание: ведь он сам — бывший горняк и имеет представление о доктринах революционной капиталистической шахте. Удачно внедряет он в ткань своего повествования историю великого Демьянова, наблюдателя Гельской, архивные документы, высказывания Герцена и др. Он анализирует и в местные музеи. Интересны фигуры русских шахтеров в Прокопьевске.

Итак, автор улетает особенное внимание: ведь он сам — бывший горняк и имеет представление о доктринах революционной капиталистической шахте. Удачно внедряет он в ткань своего повествования историю великого Демьянова, наблюдателя Гельской, архивные документы, высказывания Герцена и др. Он анализирует и в местные музеи. Интересны фигуры русских шахтеров в Прокопьевске.

Итак, автор улетает особенное внимание: ведь он сам — бывший горняк и имеет представление о доктринах революционной капиталистической шахте. Удачно внедряет он в ткань своего повествования историю великого Демьянова, наблюдателя Гельской, архивные документы, высказывания Герцена и др. Он анализирует и в местные музеи. Интересны фигуры русских шахтеров в Прокопьевске.

Итак, автор улетает особенное внимание: ведь он сам — бывший горняк и имеет представление о доктринах революционной капиталистической шахте. Удачно внедряет он в ткань своего повествования историю великого Демьянова, наблюдателя Гельской, архивные документы, высказывания Герцена и др. Он анализирует и в местные музеи. Интересны фигуры русских шахтеров в Прокопьевске.

Итак, автор улетает особенное внимание: ведь он сам — бывший горняк и имеет представление о доктринах революционной капиталистической шахте. Удачно внедряет он в ткань своего повествования историю великого Демьянова, наблюдателя Гельской, архивные документы, высказывания Герцена и др. Он анализирует и в местные музеи. Интересны фигуры русских шахтеров в Прокопьевске.

Итак, автор улетает особенное внимание: ведь он сам — бывший горняк и имеет представление о доктринах революционной капиталистической шахте. Удачно внедряет он в ткань своего повествования историю великого Демьянова, наблюдателя Гельской, архивные документы, высказывания Герцена и др. Он анализирует и в местные музеи. Интересны фигуры русских шахтеров в Прокопьевске.

Итак, автор улетает особенное внимание: ведь он сам — бывший горняк и имеет представление о доктринах революционной капиталистической шахте. Удачно внедряет он в ткань своего повествования историю великого Демьянова, наблюдателя Гельской, архивные документы, высказывания Герцена и др. Он анализирует и в местные музеи. Интересны фигуры русских шахтеров в Прокопьевске.

Томск, Красноярск, Иркутск, Омск. Автор дает краткие справки о прошлом сибирских городов, такими, какими они были во времена знаменитого ученого путешественника Гюльдена и вплоть до самой революции, и противопоставляет всему этому, что он видит сейчас. Новосибирск — «Сибирские Афины». Но искренне восторгаясь грандиозным строительством, автор подчеркивает и остатки азиатчины, умирающих феодальных нравов, воспринявших местами карьеры гражданской войны. Новые дворцы культуры, клубы и т. д. «Ведь все это до революции не было» — каждый раз проносится свой стереотипный вопрос Сафар, спутник автора.

Сибкомбайнстрой. Прокопьевск... Последнему автор уделает особенное внимание: ведь он сам — бывший горняк и имеет представление о доктринах революционной капиталистической шахте. Удачно внедряет он в ткань своего повествования историю великого Демьянова, наблюдателя Гельской, архивные документы, высказывания Герцена и др. Он анализирует и в местные музеи. Интересны фигуры русских шахтеров в Прокопьевске.

Сибкомбайнстрой. Прокопьевск... Последнему автор уделает особенное внимание: ведь он сам — бывший горняк и имеет представление о доктринах революционной капиталистической шахте. Удачно внедряет он в ткань своего повествования историю великого Демьянова, наблюдателя Гельской, архивные документы, высказывания Герцена и др. Он анализирует и в местные музеи. Интересны фигуры русских шахтеров в Прокопьевске.

Сибкомбайнстрой. Прокопьевск... Последнему автор уделает особенное внимание: ведь он сам — бывший горняк и имеет представление о доктринах революционной капиталистической шахте. Удачно внедряет он в ткань своего повествования историю великого Демьянова, наблюдателя Гельской, архивные документы, высказывания Герцена и др. Он анализирует и в местные музеи. Интересны фигуры русских шахтеров в Прокопьевске.

Сибкомбайнстрой. Прокопьевск... Последнему автор уделает особенное внимание: ведь он сам — бывший горняк и имеет представление о доктринах революционной капиталистической шахте. Удачно внедряет он в ткань своего повествования историю великого Демьянова, наблюдателя Гельской, архивные документы, высказывания Герцена и др. Он анализирует и в местные музеи. Интересны фигуры русских шахтеров в Прокопьевске.

Сибкомбайнстрой. Прокопьевск... Последнему автор уделает особенное внимание: ведь он сам — бывший горняк и имеет представление о доктринах революционной капиталистической шахте. Удачно внедряет он в ткань своего повествования историю великого Демьянова, наблюдателя Гельской, архивные документы, высказывания Герцена и др. Он анализирует и в местные музеи. Интересны фигуры русских шахтеров в Прокопьевске.

Сибкомбайнстрой. Прокопьевск... Последнему автор уделает особенное внимание: ведь он сам — бывший горняк и имеет представление о доктринах революционной капиталистической шахте. Удачно внедряет он в ткань своего повествования историю великого Демьянова, наблюдателя Гельской, архивные документы, высказывания Герцена и др. Он анализирует и в местные музеи. Интересны фигуры русских шахтеров в Прокопьевске.

Сибкомбайнстрой. Прокопьевск... Последнему автор уделает особенное внимание: ведь он сам — бывший горняк и имеет представление о доктринах революционной капиталистической шахте. Удачно внедряет он в ткань своего повествования историю великого Демьянова, наблюдателя Гельской, архивные документы, высказывания Герцена и др. Он анализирует и в местные музеи. Интересны фигуры русских шахтеров в Прокопьевске.

Сибкомбайнстрой. Прокопьевск... Последнему автор уделает особенное внимание: ведь он сам — бывший горняк и имеет представление о доктринах революционной капиталистической шахте. Удачно внедряет он в ткань своего повествования историю великого Демьянова, наблюдателя Гельской, архивные документы, высказывания Герцена и др. Он анализирует и в местные музеи. Интересны фигуры русских шахтеров в Прокопьевске.

Сибкомбайнстрой. Прокопьевск... Последнему автор уделает особенное внимание: ведь он сам — бывший горняк и имеет представление о доктринах революционной капиталистической шахте. Удачно внедряет он в ткань своего повествования историю великого Демьянова, наблюдателя Гельской, архивные документы, высказывания Герцена и др. Он анализирует и в местные музеи. Интересны фигуры русских шахтеров в Прокопьевске.

Сибкомбайнстрой. Прокопьевск... Последнему автор уделает особенное внимание: ведь он сам — бывший горняк и имеет представление о доктринах революционной капиталистической шахте. Удачно внедряет он в ткань своего повествования историю великого Демьянова, наблюдателя Гельской, архивные документы, высказывания Герцена и др. Он анализирует и в местные музеи. Интересны фигуры русских шахтеров в Прокопьевске.

Сибкомбайнстрой. Прокопьевск... Последнему автор уделает особенное внимание: ведь он сам — бывший горняк и имеет представление о доктринах революционной капиталистической шахте. Удачно внедряет он в ткань своего повествования историю великого Демьянова, наблюдателя Гельской, архивные документы, высказывания Герцена и др. Он анализирует и в местные музеи. Интересны фигуры русских шахтеров в Прокопьевске.

Сибкомбайнстрой. Прокопьевск... Последнему автор уделает особенное внимание: ведь он сам — бывший горняк и имеет представление о доктринах революционной капиталистической шахте. Удачно внедряет он в ткань своего повествования историю великого Демьянова, наблюдателя Гельской, архивные документы, высказывания Герцена и др. Он анализирует и в местные музеи. Интересны фигуры русских шахтеров в Прокопьевске.

Сибкомбайнстрой. Прокопьевск... Последнему автор уделает особенное внимание: ведь он сам — бывший горняк и имеет представление о доктринах революционной капиталистической шахте. Удачно внедряет он в ткань своего повествования историю великого Демьянова, наблюдателя Гельской, архивные документы, высказывания Герцена и др. Он анализирует и в местные музеи. Интересны фигуры русских шахтеров в Прокопьевске.

Сибкомбайнстрой. Прокопьевск... Последнему автор уделает особенное внимание: ведь он сам — бывший горняк и имеет представление о доктринах революционной капиталистической шахте. Удачно внедряет он в ткань своего повествования историю великого Демьянова, наблюдателя Гельской, архивные документы, высказывания Герцена и др. Он анализирует и в местные музеи. Интересны фигуры русских шахтеров в Прокопьевске.

Сибкомбайнстрой. Прокопьевск... Последнему автор уделает особенное внимание: ведь он сам — бывший горняк и имеет представление о доктринах революционной капиталистической шахте. Удачно внедряет он в ткань своего повествования историю великого Демьянова, наблюдателя Гельской, архивные документы, высказывания Герцена и др. Он анализирует и в местные музеи. Интересны фигуры русских шахтеров в Прокопьевске.

Сибкомбайнстрой. Прокопьевск... Последнему автор уделает особенное внимание: ведь он сам — бывший горняк и имеет представление о доктринах революционной капиталистической шахте. Удачно внедряет он в ткань своего повествования историю великого Демьянова, наблюдателя Гельской, архивные документы, высказывания Герцена и др. Он анализирует и в местные музеи. Интересны фигуры русских шахтеров в Прокопьевске.

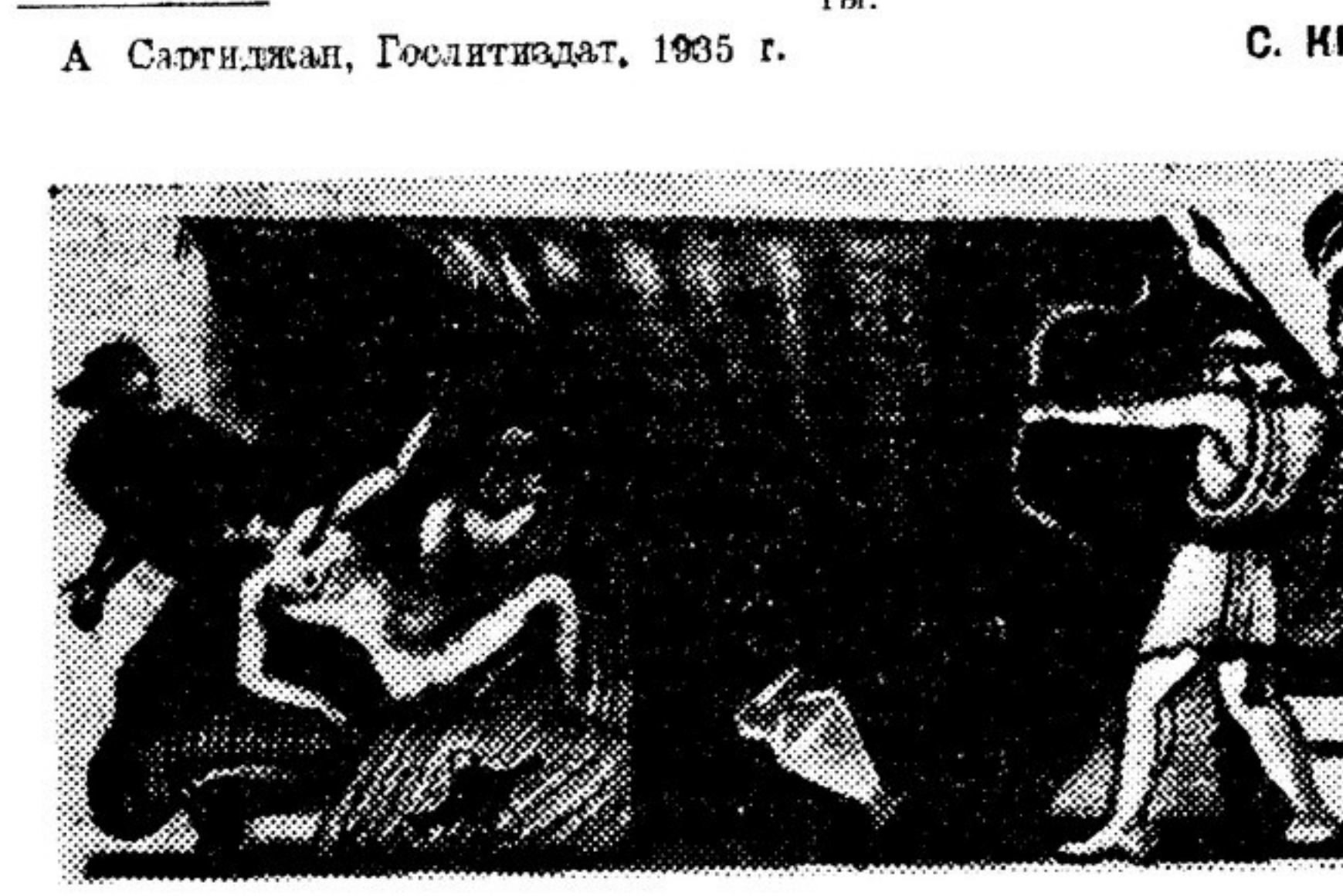
Сибкомбайнстрой. Прокопьевск... Последнему автор уделает особенное внимание: ведь он сам — бывший горняк и имеет представление о доктринах революционной капиталистической шахте. Удачно внедряет он в ткань своего повествования историю великого Демьянова, наблюдателя Гельской, архивные документы, высказывания Герцена и др. Он анализирует и в местные музеи. Интересны фигуры русских шахтеров в Прокопьевске.

Сибкомбайнстрой. Прокопьевск... Последнему автор уделает особенное внимание: ведь он сам — бывший горняк и имеет представление о доктринах революционной капиталистической шахте. Удачно внедряет он в ткань своего повествования историю великого Демьянова, наблюдателя Гельской, архивные документы, высказывания Герцена и др. Он анализирует и в местные музеи. Интересны фигуры русских шахтеров в Прокопьевске.

Сибкомбайнстрой. Прокопьевск... Последнему автор уделает особенное внимание: ведь он сам — бывший горняк и имеет представление о доктринах революционной капиталистической шахте. Удачно внедряет он в ткань своего повествования историю великого Демьянова, наблюдателя Гельской, архивные документы, высказывания Герцена и др. Он анализирует и в местные музеи. Интересны фигуры русских шахтеров в Прокопьевске.

Сибкомбайнстрой. Прокопьевск... Последнему автор уделает особенное внимание: ведь он сам — бывший горняк и имеет представление о доктринах революционной капиталистической шахте. Удачно внедряет он в ткань своего повествования историю великого Демьянова, наблюдателя Гельской, архивные документы, высказывания Герцена и др. Он анализирует и в местные музеи. Интересны фигуры русских шахтеров в Прокопьевске.

Сибкомбайнстрой. Прокопьевск... Последнему автор уделает особенное внимание: ведь он сам — бывший горняк и имеет представление о доктринах революционной капиталистической шахте. Удачно внедряет он в ткань своего повествования историю великого Демьянова, наблюдателя Гельской, архивные документы, высказывания Герцена и др. Он анализирует и в местные музеи. Интересны фигуры русских шахтеров в Прокопьевске.

Выставка советской графики в градоначальном кабинете Музея изобразительных искусств. Иллюстрация к «Одиссее» Л. Мигунова.

Д. Мирский. Новые издания старых поэтов

(ОКОНЧАНИЕ)

важные биографические указания. Но поэзия членов Волжского общества никакого освещения не получает ни у Денисюкова, ни у Орлова, и чтобы прочесть что-нибудь критически содержательное о ней, читателю должен обратиться к старой книге И. Н. Розанова «Русская лирика», вышедшей в 1914 г. и до сих пор не потерявшей своей ценности.

Между тем «Поэты-радищевцы» — тема, представляющая величайший интерес для истории русской поэзии, и я лично ждал этого выпуска «Библиотеки поэта» с нетерпением, равным тому разочарованию, которое последовало за ближайшим знакомством. Тема «Поэты-радищевцы» прежде всего предполагает тему «Радищев как поэт». Радищев был очень значительный поэт, крупнейший русский поэт между Державиным и Жуковским. Конечно же, революционное значение Радищева должно было способствовать всестороннему интересу к его поэзии, но до сих пор было наоборот, и его роль как поэта и как писателя русской революционной мысли заслоняет его роль как поэта. Этому пока помешают концы. Мы должны иметь собрание поэтических произведений Радищева, и значение его как поэта должно быть оценено.

Важные Радищева в русской поэзии начала XIX в. шло по двум линиям. С одной стороны, разрабатывается линия его гражданской поэзии, линия «воспевания свободы» (судит Радищев). С другой — является начатое им осмысление поэзии немецкой романтической поэзии. Эти две линии в значительной

мере остаются разделенными. В Волжском обществе к первой принадлежит Пнин и Поугуев, во второй — Камнев, Восток, и Семейн Вобор. Только у Борна, поэта ирландского происхождения, можно найти некоторые равновесие этих двух элементов.

Вторая из этих линий, несомненно, более интересна. Пнин и Поугуев были эмигрантами. В области поэтической формы они были учениками не Радищева, а Каллиста и Карамзина. Они стремились к слаженности стиха и языка, совершенно чуждой Радищеву, который принципиально задал «негладкость» такого стиха, как «Во свет рабства тьму претворяю». Как подальше «сладкие архангелы

Письма Ван-Гога

АРХИТЕКТУРА И КРИТИКА

«Письма Ван-Гога — редчайший творческий документ, где жизнь и работа замечательного художника описаны и объяснены им самим. Это — литературный автопортрет живописца, сделанный с той же предельной искренностью, какой отличалось все его творчество.

«Письма Ван-Гога — такое же замечательное произведение, как и «Сеятель», «Жнец», «После дождя» и «Ночное кафе», но, протяженное во времени, оно показывает художника во всех фазах его огненной творческой деятельности.

Два тома, выгнанные однопарезно издательством «Академия», содержат триста четыре письма Ван-Гога к брату Теодору и двадцать писем к художнику Бернару.

Письма к Бернару носят несколько теоретический характер, письма к брату — более интимны. Если в первых легче проследить творческое кредо Ван-Гога, то вторые дают громадный материал для выяснения того бытового окружения, в котором работал художник, для понимания тех житейских обстоятельств, с которыми ему приходилось бороться.

В итоге — удивительный комплекс жизни художника, сгоревшего в печальном труде, — образ жителя, собирающего жатву под испепеляющими лучами солнца.

Ван-Гог работал так, как будто трагическая смерть, рано наступившая его, грозила превратить каждую картину, каждый этюд, каждый рисунок. Жизнь — полная противоречий: ужасное одиночество — и мечта о братском коллективе художников; идея общих мастерских — и индивидуалистическая неуживчивость; чувство необходимости упорядочения жизни художника — и крайняя беспорядочность личного бытия.

Место Ван-Гога в европейском и французском искусстве осталось неопределенным. Впоследствии Ван-Гог вошел в рамки французской школы, школы, которую Ренуар назвал «любозной, светлой, коммунальной и не очень шумной». Его стремление к разрешению основных проблем взаимоотношений общества и искусства, его острое внимание к социальным вопросам, неясные стремления к созданию коллективных шедевров, побланных созданием в эпоху великого расцвета искусства, сильно отличали его от безмятежных современников — импрессионистов.

Впоследствии немецкие экспрессионисты объявили Ван-Гога своим родоначальником. «Ван-Гог — отец экспрессионизма» — такое определение сразу помогло найти место художнику в истории новой живописи. Это пришло по вкусу очень многим, но по существу прилагает только своей простоте. Однако оно так же мало, и даже меньше, дает для понимания Ван-Гога, как формула «Сезанн — родоначальник кубизма» — для понимания Сезанна.

Экспрессионисты взяли у Ван-Гога возмущение, как результат стремления к выразительности, предметную деформацию, сделав из нее догму всего своего творчества. Эта деформация приобрела в их работах болезненно-преувеличенный характер, совершенно чуждый в основном творчеству Ван-Гога. Такие вещи Ван-Гога, как «На пороге вечности» или рисунок мужской головы в письме 1889 года, принадлежат скорее к области психопатологии, чем живописи.

Принимая деформацию Ван-Гога в духе, как одно из составляющих элементов, в систему понимания эмоционального воздействия живописи, вырываешь из этой системы экспрессионистами — не оправданным — больше целью создания пластического образа, он быстро привел экспрессионистов к творческому тупику.

Деформация у Ван-Гога ни в какой мере не разрушает целостного пластического образа, а вместе с другим важным элементом — композиционным, линейным и особенно цветовым — новыми

Параллельный и отчетливо аналогичный процесс можно наблюдать и в отношении выводов, сделанных художниками из живописной практики Сезанна. Геометрические формы, которые находил в предметном мире Сезанн и которые помогли ему в архитектоническом построении композиции реальных, являлись для художников этой самой реальностью.

Последнее, уже почти предельное, письмо Ван-Гога к Эмилю Бернару дает наиболее развернутую, блестящую критику увлечения абстракцией и мистикой, которые возмущали Бернара и, конечно, не его одного. Это письмо сохраняет всю свою актуальность в отношении к реакционной католической живописи, которую возмущал и сейчас во Франции Морис Дели. При всей прихотливости Ван-Гога манеры эти критические изложения совершенно уничтожающие.

Ван-Гог пишет по поводу картины Бернара «Поклошение волхвов»: «Нельзя себе представить рождение ребенка на самой дороге и мать, которая начинает молиться, вместо того, чтобы кормить ребенка грудью; бог знает, откуда и почему сюда попали огромные, колоссальные, будто в припадке энцефалита, эзвекантические аглуны. Нет, я не считаю это здоровым. Я обожаю все пластичное, правдоподобное, хотя я и способен к духовному полету».

Итак, поэт, как и вы знаете, что надо писать правдоподобно, логично, истинно; хорошо бы вам не забыть парижские шутки и а Бодлер, — насколько предпочтительнее Домье этому господину».

Этим религиозным утешением, мистическим абстракциям, бесплодным поискам вне природы Ван-Гог противопоставляет свои идеи реалиста: «И для выражения тоски не нужно отпаивать себя историческими Гейммановскими садами, а чтобы дать мотив, уподобляющийся и мистичному, не обязательно изображать нагорную проповедь». «Итак, поэт, как и вы знаете, какваз свой сад таким, каков он есть, или что-нибудь другое такое же».

Множество раз в своих письмах Ван-Гог утверждает право художника на переделку природы в целях повышения выразительности произведения. Но эти слова говорят о том, что в основе должен быть образ действительности. Важно подчеркнуть, что приведенные высказывания Ван-Гога относятся именно к самому последнему периоду жизни Ван-Гога, периоду, который многие, смущаемые несколькими работами, сделанными в состоянии психического расстройства, склонны считать отступлением от реалистических принципов, наличие которых в голландском периоде, конечно не вызывает сомнений.

Нечего и говорить, что Ван-Гог не был уравновешенным и трезвым реалистом типа Курбе. Он не был свободен от мучительных колебаний, сам художник дает нам ясный и поименованный этих противоречий: «Юдита Гоген был в Арле, то раз или два я позволил себе увлечься абстракцией: в «Кольебольной», в «Жесткие, читающий роман» (черной среди желтых книг), и тогда абстракция казалась мне заманчивым путем. Но это — зашлованное место, милый мой, и с ним скоро, матюкаться на стелу».

Увлечение Ван-Гога абстракцией не случайно совпало и с пребыванием Гогена в Арле. Взаимоотношения Ван-Гога и Гогена — один из существеннейших эпизодов жизни Ван-Гога и в смысле биографическом и в смысле творческом.

Не покидавшие никогда Ван-Гога стремление к коллективному творчеству, его пристрастие к коллективу, заставляло Гогена приехать в Арль. Этот приезд мыслился как начало большой коллективной мастерской с Гогеном в роли старшины. Ван-Гог импрессионистам целенаправленно убеждал Гогена, его авторитетность, называвшую статью за изложение архитектурных позиций «Интервью» газеты. А это было бы совсем грустно.

Но сначала несколько слов о методе полемики, практикованном И. Дерсеном. Как поклонник классика, автор и метод выбрал классический. Пушкин, как известно, обозначал этот метод двумя выразительными словами: «сам сечь». Именно этот способ полемики применяет И. Дерсен в своих возражениях на статью И. Маца, помещенную в журнале «Архитектура СССР». Маца, например, пишет, что не следует ставить по отношению к архитектуре вопрос — искусство ли она или техника, ибо «такая постановка вопроса заранее предполагает наличие непроходимой грани между научным и художественным мышлением».

Дерсен, насколько не смущался этой, им же самим приведенной цитаты из Маца, десятью строками выше объясняет, под пунктом 3: «он (т. е. Маца) устанавливает принцип враждебности искусства науке... Классическое «сам сечь», да еще преподнесенное в весьма назидательной форме».

В статье Маца говорится далее, что архитектура есть синтез науки и искусства, основанный на специфическом единстве научного и художественного мышления (подчеркнуто нами). Дерсен же без смущения записывает за № 1: автор открывает новую идеологическую категорию — синтез науки и искусства, которую противопоставляет всем существующим наукам и искусствам.

И. Дерсену говорят со страниц «Архитектуры СССР», что не надо ставить вопрос «искусство или наука», не надо противопоставлять науку искусству, не надо относить архитектуру только к категории искусства или только к категории техники, ибо в архитектуре синтетически слито то и другое. А Дерсен в ответ каждый раз произносит очередное «сам сечь».

Это — относительно метода полемики. Теперь — по существу мыслей нашего автора о природе архитектуры. Если попробовать соскочить с шестиколонного полавла Дерсена по-лемнически орнамент, прилепленный к нему, что называется, на живую нитку, то останется даным-данно знакомый, весьма и весьма старинный «архитектурный» мотив: избрав архитектору и архитектору от всяких обязательств технического характера, оставив ему, архитектору, тип «свободного художника», отнес все сложнейшее научно-технические проблемы современной архитектуры в область строительной техники.

Именно к этим сложностям (но строго религиозным) положениям и сводится все имеющееся в распоряжении И. Дерсена мысли о природе архитектуры. Ему кажется, что достаточно громоздко объяснить архитектуру, лишь осознавая себя искусством, чтобы тем самым архитектура уже «обрела свою сущность». Но сказать так, значит еще ничего не сказать об этой самой сущности, а лишь положить архитектуру на готовенькую полочку определенной «идеологической категории». Об этой полочке и заболит больше всего И. Дерсен, вставая в позу ревнителя чистоты «новорожденного искусства архи-

тектуры» и ратую против смешения ее с низкой техникой, против приятия того, что проектирование и возведение любого сооружения есть прежде всего процесс научно-технический.

Советская архитектура борется сейчас за яркие, правдивые, идеино-высшие образы, за высокую художественную выразительность своего языка. Но эту свою борьбу она не мыслит иначе, как борьбу в одно и то же время за величайшую техническую вооруженность архитектуры, за величайшую научность архитектурного мышления и всей работы архитектора, за овладение им всеми выгодами современной техники. Наш архитектор — не «бумажный» проектировщик недавнего прошлого. Он призван на строительную площадку, он обязан непосредственно работать на стройке, на лесах, он — носитель высшей технико-строительной культуры. Наш архитектор обязан (понымаете, И. Дерсен, — обязан) сочетать с глубиной художественного замысла не только заботу о наиболее экономичной и целесообразной конструкции здания, но и о самых мелких бытовых удобствах, вплоть до санитарных устройств, дворовых и оконных прибогов, оборудование кухни. Все эти вещи входят в понятие архитектуры, как входят они (и притом входят органически) в объем работы архитектора. Если же послушать Дерсена, то архитектор должен всю эту сторону своей деятельности переадресовать «стронительной технике», а себе оставить гордое сознание принадлежности к «новорожденному искусству».

Попытка реставрировать подобное понимание задач архитектуры — попытка весьма вредная, но в данном случае и вполне беспомощная. О том, насколько четко представляет себе сам Дерсен основные понятия архитектуры, свидетельствует также его глубокомысленная сентенция об архитектурном образе. Возражая против отрицания «образной функции» архитектуры, наш автор говорит: «именно здесь лежала линия, отделяющая советскую архитектуру от строительной промышленности Запада». И так, образная функция нашей архитектуры отделяет ее от... строительной промышленности Запада. Почему строительная промышленность Запада (т. е. производство стройматериалов и предметов строборазведения) должна выполнять какую-то образную функцию, остается секретом автора. Вряд ли эту самую образную функцию должна нести и наша, советская строительная промышленность: обязанность последней, как известно, производить не образы, а кирпичи, известь, отделочные материалы и пр. Создавать образы должна не строительная промышленность, а архитектура. И вот здесь-то как раз, выразившись словами Дерсена, «легла линия», отделяющая советскую архитектуру от архитектуры Запада. По Дерсену, очевидно, считает допустимым им путаницу легким «терминологическим недоразумением». И быстро переходит к следующей путанице.

Попытка реставрировать подобное понимание задач архитектуры — попытка весьма вредная, но в данном случае и вполне беспомощная. О том, насколько четко представляет себе сам Дерсен основные понятия архитектуры, свидетельствует также его глубокомысленная сентенция об архитектурном образе. Возражая против отрицания «образной функции» архитектуры, наш автор говорит: «именно здесь лежала линия, отделяющая советскую архитектуру от строительной промышленности Запада». И так, образная функция нашей архитектуры отделяет ее от... строительной промышленности Запада. Почему строительная промышленность Запада (т. е. производство стройматериалов и предметов строборазведения) должна выполнять какую-то образную функцию, остается секретом автора. Вряд ли эту самую образную функцию должна нести и наша, советская строительная промышленность: обязанность последней, как известно, производить не образы, а кирпичи, известь, отделочные материалы и пр. Создавать образы должна не строительная промышленность, а архитектура. И вот здесь-то как раз, выразившись словами Дерсена, «легла линия», отделяющая советскую архитектуру от архитектуры Запада. По Дерсену, очевидно, считает допустимым им путаницу легким «терминологическим недоразумением». И быстро переходит к следующей путанице.

Советская архитектура борется сейчас за овладение труднейшими полоступами к высотам мастерства, за создание социалистического города. В этой борьбе сугубо ответственная роль выпадает на долю критики. Наша архитектурная печать и, в частности, орган архитектурной общности, журнал «Архитектура СССР», должен получить в этом деле большую помощь со стороны советской литературы. Надо приветствовать поэтому тот факт, что на страницах «Интервью» газеты начали появляться статьи и рецензии по вопросам архитектуры. И надо пожелать, чтобы в этой новой для себя области «Литературной газеты» дана в ближайшее время образцы архитектурной критики, использовавшей все лучшее, что есть в опыте критики литературы.

От редакции. Редакция считает правильной точку зрения, развиваемую автором данной статьи.

На этот раз речь идет о проблеме национальной формы в советской архитектуре. В связи с проектом Дворца советов Азербайджанской ССР, разработанным двумя бакинскими архитекторами, тт. Усейновым и Далашевым, в журнале «Архитектура СССР» была помещена рецензия, в которой автор положительно отозвался о попытке названных архитекторов «сочетать национальные формы с достижениями классической мировой архитектуры». Именно это место вызвало гнев И. Дерсена. Причем не нужно думать, что он попросту не согласен с оценкой данного конкретного проекта. Конкретных архитектурных тем Дерсен благодарно предпочитает не затрагивать. Зато о величайшей категоричностью он объясняет, что сочетание национальных форм с достижениями классической архитектуры не больше, не меньше как противоречит принципу культуры национальной по форме, социалистической по содержанию.

Понять это замечательное утверждение Дерсена можно, очевидно, только. Или — социалистическое содержание несовместимо с использованием классических образов. В таком случае оказывается непонятным, почему об использовании этих самых образов говорится в историческом постановлении партии и правительства о реконструкции Москвы. Или, по мнению Дерсена, то, что допустимо в Москве, недопустимо в Баку, и азербайджанские архитекторы не имеют права использовать ценности классики, являющиеся монополией их московских коллег? Так что ли? Или же, наконец, если в архитектуре национальных республик возможно использовать классические образцы, то они не должны сочетаться с национальными формами?

И в том и в другом варианте — грубая вульгаризация идей советской культуры, грубая путаница в самых основных понятиях этой культуры.

Советская архитектура борется сейчас за овладение труднейшими полоступами к высотам мастерства, за создание социалистического города. В этой борьбе сугубо ответственная роль выпадает на долю критики. Наша архитектурная печать и, в частности, орган архитектурной общности, журнал «Архитектура СССР», должен получить в этом деле большую помощь со стороны советской литературы. Надо приветствовать поэтому тот факт, что на страницах «Интервью» газеты начали появляться статьи и рецензии по вопросам архитектуры. И надо пожелать, чтобы в этой новой для себя области «Литературной газеты» дана в ближайшее время образцы архитектурной критики, использовавшей все лучшее, что есть в опыте критики литературы.

От редакции. Редакция считает правильной точку зрения, развиваемую автором данной статьи.

ВАН-ГОГ. Слева рисунок и «Едом на картофели», справа эскиз к картине «Ночное кафе».

ВАН-ГОГ. Слева рисунок и «Едом на картофели», справа эскиз к картине «Ночное кафе».

Глухая провинция

М. Светлов

ОТРЫВОК ИЗ ПЬЕСЫ

В гамаках — ШУЛЬЦ и КЕРЕКШЕН. КЕРЕКШЕН: Я все думаю, дорогой Шульц! Что было бы с нами, не будь Октябрьской революции? Вы были бы, наверное, учителем музыки в помещичьем доме. Знаете, как в старинных романах: «В комнату вошел добрый, старый (а вы уже староват, дорогой Шульц!) герр Шульц. Его круглые очки были покрыты испариной, иди, попроси у господина доктор Готфрид. Девочки прыжки вы вокруг нашего толстого живота и радостно пеки: «Немец, немец! Где бы был? — Я в Берлине воду пью!» Но единственного я сейчас не представляю: вы — и музыка. Или нет? Вы были бы управляющим у помещика! Вы бы засмеялись, засмеялись крестьян, — и ведь знали ваш характер! И какой-нибудь Некрасов назвал бы вас сволочью!» ШУЛЬЦ (добродушно): Вы давно не лечили валу пенью, дорогой Керекшеш. Я удивляюсь, как помещице столько жежчи в таком маленьком сосуде! КЕРЕКШЕН: Мы с вами отдыхаем, дорогой Шульц. Давайте добродушно издеваться друг над другом. ШУЛЬЦ: Нет. Это для меня не отдышка. Когда напротив меня лежит человек, которого я могу накрыть крышкой от моих часов и задушить петлей от этих же часов, когда этот человек издевается надо мной, и когда мне говорят, что я в это время отдыхаю, — я этому не верю! КЕРЕКШЕН: А вот когда я знаю, что зерно через день-два будет уже в элеваторе, и когда я вспоминаю, как мы с вами славно поработали, дорогой Шульц, сердце мое спокойно из этого милого, толстого человека, который лежит напротив меня, и сердце мое кричит: «Ты любишь этого милого, толстого человека! Подарки, подарки его!» ШУЛЬЦ: У нас пошлое сердце, дорогой Керекшеш! Пауза. Оба тихо раскуривают. Знаете, Керекшеш, я — чистокровный немец, сын немецкого мастера и дочери немецкого мясника, — я мог бы написать книгу под названием: «Как я, немец, иду по русской деревне». КЕРЕКШЕН: Вам мало быть Шульцем. Вам еще надо быть Аксаковым. ШУЛЬЦ: Как я, немец, иду по русской деревне... Я встану рано утром и иду. Я слышу, как мычат русские коровы, как ржут русские до-

ВТОРАЯ ОЛИМПИАДА СОВЕТСКОГО ТЕАТРА

В Тифлисе и Минске, в Ташкенте и Казани не редкость увидеть у местных работников театра значок Первой всесоюзной олимпиады театров и искусства народов СССР, провозгладившей в Москве ровно пять лет назад. Значок этот — золотая спираль на красном диске — любовно хранят и носят уже целые плетеницы. Это — не случайная деталь. Она характеризует исключительно глубокое влияние, оказанное первой олимпиадой на национальные театры. Театры, участвовавшие в олимпиаде, — а их было всего 16, четырнадцать разных национальностей — имеют все основания считать свою историю на два периода: «до» и «после» олимпиады.

Известно, что 1-я олимпиада представляла как рапорт советских театров XVI съезду партии, провозгласившему в те же дни. Тот факт, что, несмотря на колоссальную загруженность в разгар партийного съезда несколько сот делегатов во главе с тов. Сталиным, другим членами Политбюро напав время посетить спектакли олимпиады, великом определяет ее политическое и культурное значение. 1-я олимпиада оживила театральные культуры отдельных республик и нанесла большой удар удар империалистическому пошваизму и мелкобуржуазному национализму. Выступившие достижения отдельных советских национальных театров были в те годы

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

КИНО НА ЗАПАДЕ

„Гаврилада“ работы Палеха

Т. А. КАРАВАЕВОЙ, А. ЯКОВЛЕВУ, С. ГЕХТУ, Н. ЗАРУДИНУ, В. НЕЙШТАДТ, Б. АГАПОВУ.

Уважаемые товарищи! По инициативе Алексея Максимовича Горького нами предпринято издание книги „Горьковский край в прошлом и настоящем“...

будет сдан материал. Мы вынуждены обратиться к вам через „Литературную газету“ и союз писателей. Товарищи, в Советской стране значение писателя высоко поднято...

Жуанвиль. Несколько лет назад название этого живописного предместья Парижа было очень популярно. Толпы молодежи стекались сюда со всех концов Франции...

Французов они не выжидают. Вечеро удаивающийся дождик, немолчаливый похолод в конце, один в те же положения и ситуации, в которые попадают герои фильма...

Редколлегие Я. С. Ганецким жюри по палехским изданиям. Работавшие при Весокохудожнике, приславшие на очередь на рассмотрение своего ассамблею одну из высших оценок новой оригинальной работы палехского мастера И. В. Палеха — „Гаврилада“.

Иван Васильевич Колесов, старший палехский живописец, вступил в начале революции в партию коммунистов Палех в 1917 г. и в течение всех

этих лет был занят административной и хозяйственной работой, оторвавшись от любимого дела художественной росписи. Недавно, после многолетнего перерыва, коммунист-палеханин Колесов вновь вернулся к работе над художественной росписью, а именно к созданию серии в 6 коробках, на крышках которых мастер изображает пушкинскую „Гавриладу“.

«ИСТОРИЯ ВОЛГИ»

В конце июня в клубе речников ж.м. Каданина собрались старые волжани-кадровики. Здесь были старые заводские капитаны, инженеры и руководители пароходства и работников райкомов.

На повестке вечера вопрос стоял не совсем обычный. Да и речь была без регламента и тоже необычная.

В т. Кубышев при редакция «Средневожского водника» проведено специальное совещание с членами речного литературного кружка «Вымпел» и писателями т. Кубышевым.

С восторгом говорит т. Райман об оборудовании французских кинофабрик. Недавно изобретенная трехкамерная машина позволяет внести изменения в кадр даже после того, как картина закончена.

Среди кинематографистов Франции колоссальная безработица. Некоторые из них, Рона Итэр и Жак Пеллер, уехали в Англию.

Две коробки из этой серии уже готовы и демонстрировались на жюри Весокохудожника. Снимок с одной из них мы здесь воспроизводим.

Любовно выпаял... Красавица проснулась на заре... царя небеса она пенить хотела... до милых тайн... — бес него

Виновники 1818 опечаток

Волга имеет богатое историческое прошлое, — говорили выступающие — большие революционные события происходили на Волге в период гражданской войны.

Газета «Средневожский водник» развешивает большую работу вокруг этого дела, привлекая старых и молодых волжанин принять активное участие в создании коллективного труда «История Волги».

Из Горького, в числе прочих искусств, было известно и кино. Теперь творческим центром европейской кинематографии стала Англия.

Об опечатках написаны десятки газетных статей. Об опечатках говорят на всех писательских собраниях.

Разрывая новую книгу, мы привычно идем вложенный или вложенный перед текстом листик — «замечательный листочек».

Виноваты во многом и корректоры. Центральная выдает состав издателских работников начал энергично кампания по борьбе с опечатками.

Некоторые издатели требуют от своих корректоров прочитать в течение рабочего дня 280 тысяч знаков.

Идея создать «Историю Волги» приобретает исключительное политическое значение. Группа речников — общественников и научных работников Верхневолжского бассейна горячо вылезла за это дело.

Крайние и республиканские отделения Союза советских писателей Поволжья и литературные кружки речников должны принять участие в творческой разработке исторических документов и воспоминаний старых волжанин для литературно-художественных сборников по «Истории Волги».

Из Горького, в числе прочих искусств, было известно и кино. Теперь творческим центром европейской кинематографии стала Англия.

Виноваты во многом и корректоры. Центральная выдает состав издателских работников начал энергично кампания по борьбе с опечатками.

Виноваты во многом и корректоры. Центральная выдает состав издателских работников начал энергично кампания по борьбе с опечатками.

Виноваты во многом и корректоры. Центральная выдает состав издателских работников начал энергично кампания по борьбе с опечатками.

Виноваты во многом и корректоры. Центральная выдает состав издателских работников начал энергично кампания по борьбе с опечатками.

Горьковский литературный комитет провел несколько вечеров «Истории Волги» в зонах им. Молотова.

В г. Горьком при Верхневолжском райкомово организован и работает первый на Волге литературный комитет, цель которого — собрать все ценные документы, влияющие и привлекать к работе над «Историей Волги» старых производственников волжанин, участников гражданской войны и героической борьбы волжан против капиталистической эксплуатации.

Весь этот материал, вы уехали, обещаю выложить договорные условия. Однако прошло множество месяцев, и никто из вас не представил рукописи, кроме Г. Шторма и С. Спасного.

Виноваты во многом и корректоры. Центральная выдает состав издателских работников начал энергично кампания по борьбе с опечатками.

Виноваты во многом и корректоры. Центральная выдает состав издателских работников начал энергично кампания по борьбе с опечатками.

Виноваты во многом и корректоры. Центральная выдает состав издателских работников начал энергично кампания по борьбе с опечатками.

Виноваты во многом и корректоры. Центральная выдает состав издателских работников начал энергично кампания по борьбе с опечатками.

Виноваты во многом и корректоры. Центральная выдает состав издателских работников начал энергично кампания по борьбе с опечатками.

Виноваты во многом и корректоры. Центральная выдает состав издателских работников начал энергично кампания по борьбе с опечатками.

Виноваты во многом и корректоры. Центральная выдает состав издателских работников начал энергично кампания по борьбе с опечатками.

Виноваты во многом и корректоры. Центральная выдает состав издателских работников начал энергично кампания по борьбе с опечатками.

Виноваты во многом и корректоры. Центральная выдает состав издателских работников начал энергично кампания по борьбе с опечатками.

Виноваты во многом и корректоры. Центральная выдает состав издателских работников начал энергично кампания по борьбе с опечатками.

Виноваты во многом и корректоры. Центральная выдает состав издателских работников начал энергично кампания по борьбе с опечатками.

Виноваты во многом и корректоры. Центральная выдает состав издателских работников начал энергично кампания по борьбе с опечатками.

Виноваты во многом и корректоры. Центральная выдает состав издателских работников начал энергично кампания по борьбе с опечатками.

Виноваты во многом и корректоры. Центральная выдает состав издателских работников начал энергично кампания по борьбе с опечатками.

Виноваты во многом и корректоры. Центральная выдает состав издателских работников начал энергично кампания по борьбе с опечатками.

Виноваты во многом и корректоры. Центральная выдает состав издателских работников начал энергично кампания по борьбе с опечатками.

Виноваты во многом и корректоры. Центральная выдает состав издателских работников начал энергично кампания по борьбе с опечатками.

Виноваты во многом и корректоры. Центральная выдает состав издателских работников начал энергично кампания по борьбе с опечатками.

Виноваты во многом и корректоры. Центральная выдает состав издателских работников начал энергично кампания по борьбе с опечатками.

Виноваты во многом и корректоры. Центральная выдает состав издателских работников начал энергично кампания по борьбе с опечатками.

Виноваты во многом и корректоры. Центральная выдает состав издателских работников начал энергично кампания по борьбе с опечатками.

Виноваты во многом и корректоры. Центральная выдает состав издателских работников начал энергично кампания по борьбе с опечатками.

Виноваты во многом и корректоры. Центральная выдает состав издателских работников начал энергично кампания по борьбе с опечатками.

Виноваты во многом и корректоры. Центральная выдает состав издателских работников начал энергично кампания по борьбе с опечатками.

Виноваты во многом и корректоры. Центральная выдает состав издателских работников начал энергично кампания по борьбе с опечатками.

Виноваты во многом и корректоры. Центральная выдает состав издателских работников начал энергично кампания по борьбе с опечатками.

Виноваты во многом и корректоры. Центральная выдает состав издателских работников начал энергично кампания по борьбе с опечатками.

Виноваты во многом и корректоры. Центральная выдает состав издателских работников начал энергично кампания по борьбе с опечатками.

Виноваты во многом и корректоры. Центральная выдает состав издателских работников начал энергично кампания по борьбе с опечатками.

Виноваты во многом и корректоры. Центральная выдает состав издателских работников начал энергично кампания по борьбе с опечатками.

Виноваты во многом и корректоры. Центральная выдает состав издателских работников начал энергично кампания по борьбе с опечатками.

Виноваты во многом и корректоры. Центральная выдает состав издателских работников начал энергично кампания по борьбе с опечатками.

Виноваты во многом и корректоры. Центральная выдает состав издателских работников начал энергично кампания по борьбе с опечатками.

Виноваты во многом и корректоры. Центральная выдает состав издателских работников начал энергично кампания по борьбе с опечатками.

Виноваты во многом и корректоры. Центральная выдает состав издателских работников начал энергично кампания по борьбе с опечатками.

Виноваты во многом и корректоры. Центральная выдает состав издателских работников начал энергично кампания по борьбе с опечатками.

Виноваты во многом и корректоры. Центральная выдает состав издателских работников начал энергично кампания по борьбе с опечатками.

Виноваты во многом и корректоры. Центральная выдает состав издателских работников начал энергично кампания по борьбе с опечатками.

Виноваты во многом и корректоры. Центральная выдает состав издателских работников начал энергично кампания по борьбе с опечатками.

Виноваты во многом и корректоры. Центральная выдает состав издателских работников начал энергично кампания по борьбе с опечатками.

Виноваты во многом и корректоры. Центральная выдает состав издателских работников начал энергично кампания по борьбе с опечатками.

Виноваты во многом и корректоры. Центральная выдает состав издателских работников начал энергично кампания по борьбе с опечатками.

Виноваты во многом и корректоры. Центральная выдает состав издателских работников начал энергично кампания по борьбе с опечатками.

Виноваты во многом и корректоры. Центральная выдает состав издателских работников начал энергично кампания по борьбе с опечатками.

Виноваты во многом и корректоры. Центральная выдает состав издателских работников начал энергично кампания по борьбе с опечатками.

Виноваты во многом и корректоры. Центральная выдает состав издателских работников начал энергично кампания по борьбе с опечатками.

Виноваты во многом и корректоры. Центральная выдает состав издателских работников начал энергично кампания по борьбе с опечатками.

Виноваты во многом и корректоры. Центральная выдает состав издателских работников начал энергично кампания по борьбе с опечатками.

Виноваты во многом и корректоры. Центральная выдает состав издателских работников начал энергично кампания по борьбе с опечатками.

Виноваты во многом и корректоры. Центральная выдает состав издателских работников начал энергично кампания по борьбе с опечатками.

Виноваты во многом и корректоры. Центральная выдает состав издателских работников начал энергично кампания по борьбе с опечатками.

Виноваты во многом и корректоры. Центральная выдает состав издателских работников начал энергично кампания по борьбе с опечатками.

Виноваты во многом и корректоры. Центральная выдает состав издателских работников начал энергично кампания по борьбе с опечатками.

Виноваты во многом и корректоры. Центральная выдает состав издателских работников начал энергично кампания по борьбе с опечатками.

Виноваты во многом и корректоры. Центральная выдает состав издателских работников начал энергично кампания по борьбе с опечатками.

Виноваты во многом и корректоры. Центральная выдает состав издателских работников начал энергично кампания по борьбе с опечатками.

Виноваты во многом и корректоры. Центральная выдает состав издателских работников начал энергично кампания по борьбе с опечатками.

Виноваты во многом и корректоры. Центральная выдает состав издателских работников начал энергично кампания по борьбе с опечатками.

Виноваты во многом и корректоры. Центральная выдает состав издателских работников начал энергично кампания по борьбе с опечатками.

Виноваты во многом и корректоры. Центральная выдает состав издателских работников начал энергично кампания по борьбе с опечатками.

Виноваты во многом и корректоры. Центральная выдает состав издателских работников начал энергично кампания по борьбе с опечатками.

Виноваты во многом и корректоры. Центральная выдает состав издателских работников начал энергично кампания по борьбе с опечатками.

Виноваты во многом и корректоры. Центральная выдает состав издателских работников начал энергично кампания по борьбе с опечатками.

Виноваты во многом и корректоры. Центральная выдает состав издателских работников начал энергично кампания по борьбе с опечатками.

Виноваты во многом и корректоры. Центральная выдает состав издателских работников начал энергично кампания по борьбе с опечатками.

Виноваты во многом и корректоры. Центральная выдает состав издателских работников начал энергично кампания по борьбе с опечатками.

Виноваты во многом и корректоры. Центральная выдает состав издателских работников начал энергично кампания по борьбе с опечатками.

Виноваты во многом и корректоры. Центральная выдает состав издателских работников начал энергично кампания по борьбе с опечатками.

Виноваты во многом и корректоры. Центральная выдает состав издателских работников начал энергично кампания по борьбе с опечатками.

Виноваты во многом и корректоры. Центральная выдает состав издателских работников начал энергично кампания по борьбе с опечатками.

Виноваты во многом и корректоры. Центральная выдает состав издателских работников начал энергично кампания по борьбе с опечатками.

Виноваты во многом и корректоры. Центральная выдает состав издателских работников начал энергично кампания по борьбе с опечатками.

Виноваты во многом и корректоры. Центральная выдает состав издателских работников начал энергично кампания по борьбе с опечатками.

Виноваты во многом и корректоры. Центральная выдает состав издателских работников начал энергично кампания по борьбе с опечатками.

Упомянут. Главлита Б-4866.

Типография газеты «За индустриализацию», Москва, Цветной бульвар, 30.